

Безумная спекуляция и абсолютный ингуманизм: Лавкрафт, Лиготти и *weirding* философии

БЕН ВУДАРД

Научный сотрудник, Институт философии
и искусствоведения (IPK), Университет Лейфана в Люнебурге (LUL).
Адрес: 1 Universitätsallee, 21335 Lüneburg, Deutschland.
E-mail: ben.woodard@leuphana.de.

Ключевые слова: философия ужаса; *weird fiction*;
Жиль Делёз; Феликс Гваттари; Ник Ланд; Говард Лавкрафт;
Томас Лиготти; безумие; рациональность; абсолют;
ингуманизм; чревовещательный идеализм.

Как переопределить границу между безумием и рациональным? С этого вопроса Бен Вудард начинает рассуждение о том, каким может быть способ выхода к абсолюту, или, как он его называет, к «Великому Внешнему». Теоретический проект Иммануила Канта, с его «юридическими» нормами, становится первым объектом критики, на примере которого показана слабость позиции, разделяющей безумное и рациональное. Кант выстраивает систему «круговой обороны» от безумия, которая позволила бы однозначно различить философию и бред безумца, но результатом становится невозможность философии говорить о реальности как она есть. Проект спекулятивного реализма выстраивает себя в оппозиции проекту Канта, обещая доступ к «Великому Внешнему», но тогда он должен как-то ответить на проблему безумия. Вместо перехода к «безумной спекуляции», к теоретической вседозволенности, свойственной многим последователям Жили

Делёза и Феликса Гваттари, стремящимся разрушить нормы мышления и таким образом избавиться от нормативности, Вудард мобилизует тексты Томаса Лиготти и Говарда Лавкрафта для двойной атаки на бастион антропоцентризма. Лавкрафт выступает представителем «шогготического материализма», оперирующего ужасом бесформенного, а Лиготти — «чревовещательного идеализма», указывающего на ужас неустранимости сознания.

Таким образом, *weird fiction* становится не литературным оправданием безумия, позволяющим пуститься в погоню за красивыми образами, исключая практически любой смысл, но важным инструментом в теоретическом обосновании внешнего как такового. Последнее достигается не за счет изменения состояния сознания или иных способов истязания языка и тела, но, напротив, — в выхолащивании работы с текстом, который сам по себе занимает позицию «извне» по отношению к читателю.

Введение

ПОДОБНО тому как поезд из «Железного совета» Чайны Мьевея движется вперед, постоянно прокладывая новые рельсы и снимая старые, я бы хотел выделить или, вернее, сконструировать посредством указания некоторое теоретическое положение как основу своего дальнейшего продвижения к *weird*-философии. Направление движения следующее: критическая философия Канта и большая часть последующей континентальной философии были защитой от ужаса и безумия. Кантовский запрет на догматическую метафизику и трансцендентальный реализм как виды спекулятивной метафизики, а также на рассуждения за пределами трансцендентальных и моральных ограничений был поставлен под вопрос многими мыслителями после него. Одна из самых любопытных критик кантианства встречается в безумном темном делезианстве Ника Ланда: «Кантовская критическая философия — самая теоретически проработанная паническая атака в истории». И в то время как Алэн Бадью выступает против либидинальных инвестиций делезо-гваттарианства Ланда, сам он аналогичным образом критикует кантовскую нормативную мыслелюрократию:

Кант — единственный автор, с которым я не ощущаю ни малейшего сродства. Всё в нем меня раздражает: его вездесущий формализм с постоянным вопрошанием *Quid Juris?*, «А не перешли ли вы границу?», смешанный (как в сегодняшних США) с религиозностью, которая тем депрессивнее, чем более она вездесуща и неопределенна. Созданный им критический механизм упорно отравлял философию своим ядом, оказавшимся весьма на руку академии, которая больше всего на свете любит бить по рукам слишком амбициозных. <...> Именно так я понимаю суть рассуждения Моник Давид-Менар на тему психотических истоков

Перевод Юлии Пацукковой по изданию: © Woodard B. *Mad Speculation and Absolute Inhumanism: Lovecraft, Ligotti, and the Weirding of Philosophy* // *Continent*. 2010. Vol. 1. № 1. P. 3–13. Публикуется с любезного разрешения автора.

кантианства (*La Folie dans la raison pure*). Я убежден, что смысл всего критического проекта заключается в защите от опасного симптома, представляемого духовидцем Сведенборгом, или от «болезней головы»¹, как это называл сам Кант².

Здесь образуется целый узел связей между границами познания и философией. Речь идет не только о том, что критическая философия защищает мысль от безумия, философию от безумия и философию от самой себя, но и о том, что философия после появления критического проекта сама становится «автовампирической»: пьет собственную кровь, чтобы поддерживать жизнь академии. Присоединившись к нефилософскому обвинению, брошенному Франсуа Ларюэлем в адрес философии, мы можем сделать следующий шаг и сказать, что философия имеет дело с тем материалом, который уже «философизирован», а не с материалом внешнего мира как такового³.

Помимо кантианской схемы, в которой человеческое мышление зажато между ограниченным эмпирическим познанием, с одной стороны, и трансцендентальными гарантиями категориальной связности, с другой стороны, любые формы мышления, выходящие за эти границы, объявляются нелегитимными, и таким образом докритическая метафизика и безумие растворяются в одной и той же критической кислоте. Отказываясь от кантовского аппарата, мы остаемся с двумя сущностями: неопределенным отношением мысли к реальности, где мысль подвержена внешним и внутренним сломам (*breakdown*), и реальностью с ее колеблющейся стабильностью. В противовес «печати нормальности» посткантианской философии мы будем придерживаться этих двух допущений и задействуем работы таких авторов жанра *weird fic*

1. Кант И. Опыт о болезнях головы // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 6. С. 225–241.
2. Badiou A. *Logics of Worlds: Being and Event*, 2. N.Y.: Bloomsbury Publishing, 2018.
3. Одно из центральных положений «нефилософии» (*non-philosophy*) Франсуа Ларюэля заключается в том, что философия всегда имела дело только с материалом, который априори уже полагался мыслимым, вместо того чтобы пытаться помыслить реальное в себе. Философия, согласно Ларюэлю, остается заикленной на трансцендентальном синтезе, расщепляющем имманентное на эмпирические данные и априорные факты, которые затем соединяются с помощью чего-то третьего (например, субъекта или Я). Более подробное критическое рассмотрение нефилософии Ларюэля см. в: Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.

tion, как Говард Лавкрафт и Томас Лиготти. Абсолютный ингуманизм вселенной первого будет использован для описания шогготического материализма, а сны последнего помогут нам показать безумную спекуляцию чревоущательного идеализма. Однако для начала мы должны прояснить отношения как между философией и безумием, так и между философией и *weird fiction*.

1. Философия и безумие

Все, что изобретает людское безумие, есть природа: природа явленная или восстановленная в своих правах.

*Мишель Фуко. История безумия в классическую эпоху*⁴

Как только у меня возникает сомнение в том, произошло ли действительно то событие, о котором я вспоминаю, я сам подзреваю себя в безумии, разве что я не уверен, не было ли это просто сном.

*Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление*⁵

Принято считать, что безумие претерпело несколько историко-культурных поворотов: от безумия как демонической или какой-то другой теологической силы через рационализацию к медиализации психических расстройств. В «Истории безумия в классическую эпоху» Фуко показывает безумие как специфическую форму социального контроля, которая базируется на различении безумия и рациональности. И все же предполагается возможность безумия как природной необходимости в период до распространения влияния церкви⁶.

Кантовская философия как ответ безумию основана на гуманизации самого безумия. Как отмечает Адриан Джонстон в своей работе *Time Driven*, докантовское безумие предполагало, что люди одержимы демоническими или ангельскими силами, в то время как кантовское безумие — это избыток человеческого. Безумие интернализуется, внешние демонические силы становятся изъятиями конкретного сознания. Фуко утверждает, что в эпоху Ренессанса безумие не только де-демонизируется, но и де-

4. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И. Стаф. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 518–519.

5. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 428.

6. Фуко М. Указ. соч. С. 42.

гуманизируется: безумцы перестают быть созданиями дьявола, но не становятся полностью людьми⁷ — своего рода нулевая степень человечности. Это проясняет, почему Кант хотел положить предел спекулятивной метафизике: ввиду проблемы внутреннего безумия и в отсутствие внешних гарантий трансцендентальных условий у нас нет критерия различения между спекулятивной способностью к метафизической диагностике и бредом безумца — оба равно выходят за пределы практичности и повседневного опыта.

Работа Давид-Менар полезна при анализе связи между мыслью и безумием в текстах Канта. Давид-Менар утверждает, что в относительно неизвестной работе «Опыт о болезнях головы», а также в последующем обсуждении духовидца Сведенборга Кант описывает безумие в контексте чувственных нарушений или других галлюцинаторных представлений⁸. Она пишет:

Безумие — это способ организации мысли. Оно возможно благодаря двойственности (и, следовательно, возможной субверсии) нормальных отношений между воображаемым и воспринимаемым — принадлежит ли оно к чувственному или к отношению между идеями⁹.

Кантовское восхищение Духовидцем зажало его в тиски между «эстетическим примирением», то есть меланхолическим отстранением, и «философским изобретением», то есть критическим проектом.

Шизоанализ Делёза и Гваттари — комбинация и обращение кантовского раскола, где эстетический избыток взаимодействия с миром влечет богатую концептуальную изобретательность. Их работа с безумием, конечно, сама по себе концептуальна, несмотря на все ризоматические маневры. Хотя Делёз и Гваттари работали с концептом безумия, они все же оставили мысли шанс вырваться из клыков сумасшествия, наделив саму материальность способностью мыслить. Или, как говорит Рэй Брассье,

...Делёз настаивал на необходимости абсолютизировать имманентность мира таким образом, чтобы растворить трансцен-

7. Там же. С. 161.

8. *David-Menard M. Kant's "An Essay on the Maladies of the Mind" and "Observations on the Beautiful and the Sublime" / A. Ross (trans.) // Hypatia. 2000. Vol. 15. № 4. P. 85.*

9. *Ibid.* P. 86.

дентную дизъюнкцию между вещами, как мы их знаем, и вещами, какими они являются сами по себе¹⁰.

То есть, пока Кант полагается на способность суждения для разделения репрезентации и объективности, Делёз пытается расплющить всю эту экономию катком онтологического единства.

Спекуляция как особенно полезная форма безумия близка к де-лезо-гваттарианскому представлению о философии как машине производства концептов, но отличается потенциальной саморазрушительностью: меньше полагается на стабильность собственных концептов и больше тяготеет к демонстрации особо ужасающих аспектов реальности. Спекулятивное безумие — это всегда потенциальная катастрофа в том смысле, что оно не признает почти ничего, кроме силы собственной спекуляции, в надежде, что бормотание хотя бы нескольких истеричных умов окажется полезным. Докритическая метафизика подобна безумию — возможно, потому, что мир сам по себе безумен, тогда как новые подходы спекулятивной метафизики и посткантианской докритической метафизики прекрасно осведомлены о нашем собственном безумии. Без трезвости принципа достаточного основания (следуя мысли Квентина Мейясу) мы получаем мир неоновое безумия:

... мы должны были бы понять, чем была бы наша жизнь, если бы все движения земли, все шумы земли, все запахи, вкусы, весь свет — земли и еще какого угодно места — настигли бы нас в один момент, в одно мгновение — словно свирепый ревущий грохот всех вещей¹¹.

Спекулятивная мысль может быть частью этого грохота мира или, еще хуже, может привести к его призрачному удвоению. На фоне теологии, разума и здравого смысла спекуляция становится еретической. Спекуляция как когнитивное расширение ужасающего возвышенного должна быть встречена меланхолической беспристрастностью. Кантовская теоретическая новация — продуктивность мышления — сама себе вредит, поскольку рождение критического проекта — это мышление, которое затем ограничивает свободный двигатель мысли либо догматическим жестом, либо несистематизируемым эмпирическим удивлением.

10. Brassier R. The Expression of Meaning in Deleuze's Ontological Proposition // *Pli*. 2008. № 19. P. 3.

11. Мейясу К. Вычитание и Сокращение. Делёз, Имманенция, и Материя и Память / Пер. с англ. А. Понятова. 2012. С. 32. URL: <http://www.uhimik.ru/vichitanie-i-sokrashenie-delez/index.pdf>.

Первое можно увидеть в произведениях Лиготти, второе — в рассказах Говарда Лавкрафта.

2. *Weird fiction* и философия

Сверхъестественный ужас во всех его жутких проявлениях позволяет читателю вкусить опыт, не совместимый с личным благополучием.

*Томас Лиготти. Лекции профессора Никто о мистическом ужасе*¹²

Я выбрал жанр историй о сверхъестественном, потому что они более всего соответствуют моим наклонностям: одно из моих наиболее сильных и стойких стремлений — ежеминутно достигать иллюзии некоторой необычной приостановки действия или нарушения раздражающих ограничений времени, пространства и законов природы, которые все время лишают нас свободы и пресекают наш интерес к бесконечным космическим пространствам вне поля нашего зрения и вне нашей способности к анализу.

*Говард Лавкрафт. Заметки о написании фантастических историй*¹³

Лавкрафт утверждает, что создает истории с целью приостановить действие законов природы, хотя в то же время указывает на их ненадежность, подразумевая безграничные возможности космического. То напряжение, которое Лавкрафт устанавливает между своими историями и вселенной или природой (какой мы ее знаем), воспроизводится в его текстах с помощью общего мотива ненадежного рассказчика. Ненадежного именно потому, что либо рассказчик сумасшедший, либо то, чему он был свидетелем, ставит под вопрос границы нашей материальной реальности. В «Зове Ктулху» Лавкрафт пишет:

Величайшее милосердие мироздания, на мой взгляд, заключается в том, что человеческий разум не способен охватить и связать воедино все, что наш мир в себя включает. Мы обитаем на спокойном острове невежества посреди темного моря бескрайних

12. *Лиготти Т. Лекции профессора Никто о мистическом ужасе / Пер. с англ. Г. Шокина // Он же. Песни мертвого сновидца. Тераграф. М.: АСТ, 2018. С. 280.*
13. *Лавкрафт Г. Ф. Заметки о написании фантастических историй // Тьма. 2007. № 3. С. 51.*

знаний, и вовсе не следует плавать на далекие расстояния. Науки, каждая из которых уводит в своем направлении, пока что причиняют нам не очень много вреда; но однажды объединение разрозненных доселе обрывков знания откроет перед нами такой ужасающий вид на реальную действительность, что мы либо потеряем рассудок от этого откровения, либо постараемся укрыться от губительного просветления под покровом нового средневековья¹⁴.

Несмотря на то что Лавкрафт апеллирует к иллюзиям, он не утверждает, что его фантастические творения носят сверхъестественный характер (такие как Древние Боги, к примеру), — он говорит исключительно об их сверхнормальности¹⁵. Здесь становится очевидно, что вместо уничтожения реализма Лавкрафт раскрывает реальное до невыносимости. В своих письмах и теоретических заметках он придерживается сугубо материалистических положений, позаимствованных у Хью Эллиота: единство законов, отрицание телеологии и нематериального существования¹⁶. Лавкрафт стремится исследовать возможности такой вселенной, громоздя ужас на ужас до тех пор, пока хрупкий мозг, пытающийся ее осознать, не даст трещину. Возможно, по этой причине философия в основном игнорировала *weird fiction*, тогда как Делёз и Гваттари совершили поворот к *weird fiction* и Лавкрафту, а предшественники спекулятивного реализма (Ник Ланд) и близкие к нему современные мыслители (в особенности Реза Негарестани и Юджин Такер) начали всерьез рассматривать труды Лавкрафта с точки зрения их вклада в философию.

Сам Лавкрафт относился к философии преимущественно критически (например, делал критические замечания об Анри Бергсоне и Зигмунде Фрейте), при этом воспевая Ницше и Шопенгауэра (особенно последнего под личиной первого). Такое отношение Лавкрафта к философии и философии к Лавкрафту сочетается с привычкой последнего безжалостно уничтожать философа и фигуру академического ученого в широком смысле — уничтожать одновременно эпистемологически (через крах разума) и онтологически (высвобождая разрушительные силы космоса).

Weird fiction Томаса Лиготти, которую он сам называл чем-то вроде «воинствующего эскапизма», лучше всего описыва-

14. Он же. Зов Ктулху. М.: АСТ, 2016. С. 54.

15. Joshi S. T. H. P. Lovecraft: The Decline of the West. Berkley Heights: Wildside Press, 1990. P. 216.

16. Ibid. P. 52–53.

ется следующей цитатой из его рассказа «У меня есть особый замысел о мире сем»:

Феномен человека — лишь сумма плотно свернутых иллюзий, каждая из которых наматывает себя на самую главную иллюзию, будто существуют некие люди, но вокруг лишь безумные зеркала, что, красуясь, кричат и хохочут в бесконечном сне¹⁷.

Если *weirdness* Лавкрафта возникает из непостижимых глубин неизведанной вселенной, то экзистенциальный ужас Лиготти фокусируется на ужасающем размножении бессмысленных поверхностей, другими словами, тривиальной и повседневной функции репрезентации. В одном из интервью Лиготти говорит:

Мы даже не можем узнать, что есть мир, кроме как посредством наших органов чувств, несовершенство которых не вызывает сомнений. В той же степени это относится к нашему мозгу. Наши жизни движут силы, о которых мы ничего не знаем, и восприятия, которые несовершенны. Порой мы слышим, как люди говорят, что не чувствуют себя собой. Что ж, кем или чем они тогда чувствуют себя?¹⁸

Это, однако, не означает, что Лиготти не видит ничего под поверхностью — за ней лишь тьма или чернота, будь то поверхность на космологическом уровне или личностном. Обратившись к имплицитным и эксплицитным философским аргументам в работах Лиготти, мы увидим, что его кошмарная версия реальности представляет собой своего рода недобрый идеализм — идеализм, основанный на реальной, хоть и темной и мрачной, материальности.

Если ужасы Лиготти в конечном счете циркулируют вокруг безумных восприятий, подтачивающих субъекта, то это атака на центральные идеи континентальной философии. Пока Лавкрафт своим едким материализмом нападает на всякое романтическое представление о бытии извне, Лиготти атакует сознание изнутри:

Простое маленькое подозрение закрадывается в разум, маленький осколок недоверия ранит в самое сердце. И тогда все наши

17. *Ligotmi T. Current 93. У меня есть особый замысел о мире сем* / Пер. с англ. В. Напреенко // *Industrial Music*. 03.09.2008. URL: <http://industrial-music.ru/2008/09/у-меня-есть-особый-замысел-о-мире-сем>.

18. *Satanis V. Devotees of Decay and Desolation. Thomas Ligotti interview* / D. Dishaw (ed.) // *Eldritch Infernal*. 2008. URL: <http://web.archive.org/web/20090524061519/http://www.eldritch-infernal.com/ligotti.html>.

глаза, один за другим, обращаются к миру — и внимают его кошмарам. <...> И даже обласканное солнцем великолепие летнего дня более не затмевает творящийся кругом ужас, ибо ужасу более ничего не стоит пожрать весь свет и исторгнуть наружу беспрсветную тьму¹⁹.

Очевидно, что *weird fiction* Лавкрафта и Лиготти составляет антиантропоцентрическую атаку на бастион корреляционистской континентальной философии.

3. Шогготический материализм, или Бесформенное

Аморфная протоплазма, способная воспроизводить в себе любые формы, органы, процессы; вязкая масса из слипшихся, пузырящихся клеток; гуттаперчевые сфероиды размером в полтора десятка футов, чрезвычайно мягкие и пластичные; рабы, управляемые внушением, строители городов; их растущие век от века злоба, ум, способность жить на суше, способность подражать... Боже милосердный! Что за безумие подвигло этих нечестивых Старцев пользоваться трудом подобных тварей да еще изображать их на рельефах?

*Говард Лавкрафт. Хребты безумия*²⁰

С другой стороны, утверждать, что вселенная не сходна ни с чем, а лишь бесформенна, — то же самое, что сказать, будто вселенная — это паук или вертел.

*Жорж Батай. Informe*²¹

Точнее всего суть Шогготов выводится в «Хребтах безумия» Лавкрафта, где они описываются так:

Крупнее любого поезда метро, эта жуткая, неопишуемая тварь состояла из бесформенной, пузырящейся протоплазмы; по слабо светящейся передней поверхности перебежали с места на место бесчисленные зеленоватые огоньки — это выскакивали там и сям, как прыщи, временные глаза. Давя по пути обезумевших от страха пингвинов, чудовище скользило к нам по полу, который оно и ему подобные давно превратили в гладкое зеркало²².

19. *Лиготти Т.* Лекции профессора Никто о мистическом ужасе. С. 273.

20. *Лавкрафт Г. Ф.* Хребты безумия. М.: Иностранка, 2016. С. 569.

21. *Bataille G.* Informe // Documents 1. P., 1929. P. 382 (на англ. яз.: *Idem. Formless // Visions of Excess. Selected Writings, 1927–1939 / A. Stoekl et al. (trans.).* Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985. P. 31).

22. *Лавкрафт Г. Ф.* Хребты безумия. С. 576.

Этот термин — лакмусовая бумажка для материализма, поскольку Шоггот — это бесформенное существо. Шогготы были живыми землеройными машинами, созданными биоинженерией Старцев, а их протоплазматические тела могли принимать любую форму под действием гипнотического внушения. В конце концов они обрели самосознание и выступили против своих создателей; восстание завершилось провалом. Старцы отступили в океан, оставив Шогготов блуждать по ледяным пустошам Антарктиды.

Онтогенез Шогготов и их омерзительная материальность укаывают на ужасающе глубокую древность земли — концепт, весьма дорогой сердцу Лавкрафта и близкий к его пониманию ужаса, как и страх перед разумом, существовавшим задолго до появления человечества на земле и за ее пределами. Болезненная аморфная природа Шогготов оккупирует материализм по большому счету (где материальность однозначно реальна, то есть не является дискурсивной, психологической или иным образом чересчур субъективистской), ставя под вопрос связь материализма с жизнью. Так, Юджин Такер пишет:

Шогготы и Старцы даже не делят одну и ту же реальность с людьми, с которыми имеют дело, — и тем не менее эта встреча происходит, хотя и в весьма странном не-месте, которое не принадлежит полностью ни феноменальному миру субъекта, ни ноуменальному миру внешней реальности²³.

Бесформенные и в то же время безусловно материальные существа постоянно присутствуют в лавкрафтовских сюжетах.

В «Сомнабулическом поиске неведомого Кадата» Лавкрафт описывает Азатота (один из Иных богов, подобно Ньярлатотепу) как «несказанный ужас, который невыразимо бормочет что-то из-за пределов стройного космоса», «тот последний бесформенный кошмар в средоточии хаоса, который богомерзко клубится и бурлит в самом центре бесконечности», «кто жадно жует в непостижимых, темных покоях вне времени»²⁴. Имя Азатота имеет несколько вариантов этимологии, но наиболее точный

23. *Thacker E. Afterlife. Chicago: University of Chicago Press, 2010. P. 23.*

24. *Лавкрафт Г. Ф. Сомнабулический поиск неведомого Кадата / Пер. с англ. О. Алякринского // Иные боги и другие истории. М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2016. С. 529.*

указывает на алхимический термин «азот»²⁵, который представляет собой связующий элемент и одновременно является кислотообразующим, указывая на зарождение и разложение. Неразличимость генерации и деградации — материальное отражение размытой границы между естественным и неестественным, между жизнью и не-жизнью.

Лавкрафт описывает это напряжение между естественным и неестественным в своем рассказе «Неименуемое». Он пишет:

Если... вспомнить, какие гротескные, искаженные формы принимают духовные эманации, или призраки, человеческих существ, то нельзя не согласиться, что вряд ли удастся добиться связного и членораздельного описания и выражения в случаях, когда мы имеем дело с такой бесформенной парообразной мерзостью, как дух злобной, уродливой бестии, само существование которой уже есть страшное кошунство по отношению к природе²⁶.

Лавкрафт анализирует то самое напряжение между жизнью и мыслью. К концу произведения он решает проблему, описывая неименуемое как

...какое-то желе... слизь... И в то же время оно имело очертания, тысячи очертаний, столь кошмарных, что они бегут всякого описания²⁷.

Делёз полагает, что становление-животным действует во всех работах Лавкрафта, поскольку рассказчики чувствуют, как будто становятся не-человеческими²⁸, аномальными²⁹ или атомизированными³⁰. Тем не менее, если мы обратимся к Юджину Такеру, окажется, что в рассказах Лавкрафта речь идет не о становлении-животным, а о становлении-тварью (*becoming-creature*). Чудовищное разрушает якобы нерушимые естественные законы природы (или природу, какой мы ее знаем), тварь же гораздо более онто-

25. Англ. *azoth* не имеет отношения к названию химического элемента азот (*nitrogen*). — Прим. пер.

26. *Он же*. По ту сторону сна. М.: Гудьял Пресс, 2000. С. 256.

27. Там же. С. 258.

28. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 394–395.

29. Там же. С. 401–403.

30. Там же. С. 410.

логически амбивалентна. Неименуемое — совершенно другой горизонт для мысли³¹.

Тварь — либо меньше, чем животное, либо больше, чем животное³². Ее становление — слишком странное для животных категоризаций и указывает на постепенное смещение мысли по направлению к необычному (*bizarre*). Эта странность (*strangeness*), как всегда, создает некое неопределенное завихрение в категориях имманентности и становления. Батай начинает «Лабиринт» с утверждения, что бытие, как продолжительное «быть», — это становление. Больше становления означает больше бытия, следовательно, лающая собака Батай больше, чем обычная губка³³. Это означает, что Шогготы представляют собой слишком много бытия, слишком много материальности в материализме.

Батай предполагает, что есть некоторая имманентность между поедающим и поедаемым, между видами — и никогда внутри них³⁴. Другими словами, несмотря на хаотичную бурю имманентности, всегда должна оставаться возможность разделить степени становления, не полагающаяся на силу мышления, которая делит вселенную на узнаваемые фрагменты, удобоваримые фактоиды, — или хотя бы не полностью зависящая от силы мышления. То есть, если мы поставим под сомнение вышеупомянутый аргумент Делёза о высшей роли смысла (*sense*), исполняющего роль трансцендентального в его версии материализма, и в то же время откажемся возвращаться к кантианскому разделению вещи и явления, тогда речь должна идти о становлении-как-бытии (*becoming-as-being*), которое отвечает за чувственно воспринимаемую природу вещей. В интервью с Питером Граттоном Джейн Беннет формулирует проблему следующим образом:

Что это за странная систематичность, подходящая миру Становления? Что приводит к этому сгущению, которое само себя разрушает? Возможно ли идентифицировать стадии внутри этой формативности, плато дифференциации? Если да, то следуют ли эти стадии/плато в хронологическом порядке? Или же процесс формации внутри Становления требует от нас теоретизировать не-хронологическое время? Мне кажется, вопрос вашего студен-

31. *Thacker E.* Op. cit. P. 23.

32. *Ibid.* P. 97.

33. *Bataille G.* *Visions of Excess.* P. 171.

34. *Батай Ж.* Теория религии. Литература и Зло/Пер. с фр. Ж. Гайковой, Г. Михалковича. Минск: Современный литератор, 2000. С. 15–16.

та: «Как мы можем объяснить что-то вроде итеративных структур в теории ассамбляжей?» — самый правильный вопрос³⁵.

Философия сошла с правильного пути, отдав преимущество субъекту в субъект-объектном отношении, и в итоге утратила *weirdness* не-человеческого. За эти пределы безумию мысли заступать не следует.

4. Чревовещательный идеализм, или Экстернальность мысли

Моя цель противоположна цели Лавкрафта. Он ценил природные ландшафты и хотел выйти за пределы зримой Вселенной. Я не испытываю восхищения перед природными ландшафтами и хочу сделать объективную Вселенную отражением персонажа.

*Томас Лиготти. Интервью*³⁶

Если наша жизнь — не сон, ничто не имеет смысла. Если же она реальна, это настоящая катастрофа. <...> Ужас куда более реален, чем все мы.

*Томас Лиготти. Лекции профессора Никто о мистическом ужасе*³⁷

Рассказы Томаса Лиготти изобилуют фигурами манекенов, марионеток и других безмозглых сущностей, которые заменяют драгоценный субъект философии — свободно мыслящее человеческое существо. Цель его произведений, таких как «Сны манекена», — разрушить укорененность сознания. Джеймс Траффорд связывал анти-эгоизм Лиготти с работами Томаса Метцингера, в которых наше «я» — в лучшем случае иллюзия, и мы отчаянно умоляем других подтвердить, что мы реальны³⁸. Траффорд говорит следующее:

Жизнь разыгрывается как неизбежный кукольный спектакль, бесконечный сон, в котором марионетки обычно не знают, что

35. Gratton P. Vibrant Matters: An Interview With Jane Bennett // Philosophy in a Time of Error. 22.04.2010. URL: <https://philosophyinatimeoferror.com/2010/04/22/vibrant-matters-an-interview-with-jane-bennett>.

36. *Satanis V.* Op. cit.

37. *Лиготти Т.* Лекции профессора Никто о мистическом ужасе. С. 277–278.

38. *Метцингер Т.* Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель Эго / Пер. с англ. Г. Соловьевой. М.: АСТ, 2017.

они в ловушке гипнотического танца, о механизмах которого им ничего не ведомо и над которым они не имеют власти³⁹.

С точки зрения Лиготти, абсолютный материализм подразумевает отчуждение идеи, что ведет к чревовещательному идеализму. Он отмечает в интервью

... фиаско и кошмар существования, в частности фиаско и кошмар человеческого существования, сознание, что люди — марионетки, подчиненные силам, которые они не способны понять, и т. д.⁴⁰

И далее поясняет:

...если предполагать, что что-то вообще должно существовать, в моем идеальном мире каждый пережил бы аннулирование своего эго. То есть наше сознание себя как уникальных личностей полностью бы исчезло⁴¹.

Экстернальность идеи приводит к плачевному результату — сознание пожирает самое себя ужасом, который для Лиготти более реален, чем реальность, и выходит за рамки ужаса-как-аффекта. Кроме того, сплетая нереальность жизни и чревовещательную субъектность, мысль Лиготти претворяется в идеализм, в котором сама мысль становится чуждой и в конечном счете ужасающей. Роль человеческой мысли и отношение не-отношения ужаса к мысли не до конца прояснены в книге Лиготти «Заговор против человечества».

Лиготти утверждает в «Заговоре», что появление мысли — ошибка природы⁴² и что ужас — это бытие в том смысле, что ужас — результат знания слишком многого⁴³. В то же время Лиготти, кажется, предполагает, что мысль отделяет нас от природы⁴⁴, тогда как для Лавкрафта роль мысли гораздо менее привилегиро-

39. *Trafford J.* The Shadow of a Puppet Dance: Metzinger, Ligotti and the Illusion of Selfhood // *Collapse*. 2008. Vol. 4. P. 202.

40. *Cardin M.* "...it's all a Matter of Personal Pathology": An Interview With Thomas Ligotti // *The Teeming Brain*. URL: <http://www.teemingbrain.com/interview-with-thomas-ligotti>.

41. *Ayad N.* Literature Is Entertainment or It Is Nothing: An Interview With Thomas Ligotti // *Fantastic Metropolis*. 2004. URL: <http://www.fantasticmetropolis.com/i/ligotti>.

42. *Ligotti T.* *The Conspiracy Against the Human Race*. N.Y.: Hippocampus Press, 2010. P. 23.

43. *Ibid.* P. 109.

44. *Ibid.* P. 221.

ванная: сознание (*mind*) для него является лишь одним из проявлений жизненного начала, другим способом материализации энергии⁴⁵.

В своей великолепной работе *Prospects for Post-Copernican Dogmatism* Йен Гамильтон Грант выступает против негативных определений догматизма и трансцендентального. Он предполагает, что эти негативные определения двух понятий смещают фокус на условия доступа и субъективизм за счет реального или природы⁴⁶. С помощью Шеллинга, которого Грант ставит на острие своей атаки на субъективистские бастионы Фихте и Канта, идеализм Лиготти может быть понят как трансцендентальный реализм, следующий из онтологического реализма⁴⁷. Тем не менее трансцендентальный статус мысли Лиготти (и, возможно, Шеллинга в период его позитивной философии) приходит к такой трактовке трансцендентального, которая может угрожать выходом за пределы реалистической основы. Лиготти утверждает:

Вера в сверхъестественное — всего лишь предрассудок. Тем не менее, как показал Конрад в «Сердце тьмы», нужно признать чувство сверхъестественного, если мы хотим достичь пределов ужаса. Это чувство *того, что не должно быть*, — чувство опустошенности невозможным. С точки зрения феноменов, сверхъестественное можно рассматривать как метафизического двойника безумия, трансцендентальный коррелят разума, сведенно с ума⁴⁸.

Опять же, Лиготти уравнивает безумие и мысль, относя оба к сверхъестественному, но проявляя меньшее сопереживание к метафизической стороне ужаса.

Вопрос становится таким: *как* на самом деле галлюцинаторный мир идеального соотносится с черной клокочущей материей лавкрафтовского хаоса элементарных частиц. В рассказе «У меня есть особый замысел о мире сем» Лиготти пишет:

А: Нет никакой всеобщей системы вещей.

45. *Lovecraft H. P. The Materialist Today // Collected Essays. Vol. 5: Philosophy; Autobiography & Miscellany / S. T. Joshi (ed.). N.Y.: Hippocampus Press, 2006. P. 75.*

46. *Grant I. H. Prospects for Post-Copernican Dogmatism: The Antinomies of Transcendental Naturalism // Collapse. 2009. Vol. 5. P. 413–414.*

47. *Ibid.* P. 415.

48. *Ligotti T. The Conspiracy Against the Human Race: A Contrivance of Horror. Penguin, 2018. P. 211.*

В: Если бы такая система была, факт — сам факт — того, что мы не способны ее воспринять, природными или сверхъестественными средствами, — кошмарное непотребство.

С: Само понятие всеобщей системы вещей — кошмарное непотребство⁴⁹.

Здесь он не обесценивает метафизику, но намекает, что тот факт, что все мы феноменологически плохо оснащены для восприятия, кошмарен. Для Лиготти кошмар и ужас возникают внутри устройства сознания, тогда как для Лавкрафта отношение между реальностью и сознанием менее продуктивно со стороны сознания.

Надеемся, теперь стало легче убедиться в том, что кантовская философия — это защита от болезней головы, поскольку Кант защищает свой критический проект как от избытка мира, так и от избытка сознания. *Weird fiction* Лавкрафта и Лиготти демонстрирует, что в кантовском проекте слишком много и того и другого, они подпитывают друг друга, что разваливает кантовскую схему изнутри, и в результате от нее остается только мертвое, но все еще обладающее онтологическим потенциалом нигредо.

Жуткий, устрашающий факт идеализма Лиготти в том, что трансцендентальное движение, которое привнесло мысль в материю, будучи полностью материальным и природным, поставляет ужас, заключенный в том, что мысль невозможно уничтожить, не уничтожив ее материальный носитель — локально или в целом. Мысль приходит откуда-то еще, из бытия-в-мысли, которое не-здесь и не-сейчас. Немыслимое вне мысли (вещь-в-себе) сводит с ума не меньше, чем немислимый двигатель самой мысли внутри мысли (сознания или Я), который не существует иначе как для сознания — гниющее украшение мозга.

5. Трансцендентальная паранойя гиперверия, или Само-изгнанная мысль

Литература жанра *weird fiction* становилась предметом непосредственного философского исследования в безумном черном делезианстве Ника Ланда. Совместно с другими авторами в 1990-е годы он сформировал Группу исследований киберкультуры (*Cyber Culture Research Unit, CCRU*), а также исследовательскую груп-

49. *Idem*. I Have a Special Plan for This World // My Work Is Not Yet Done. L.: Virgin Books. 2009. P. 14.

пу «Гиперверие» (*Hyperstition*). На ныне не работающем сайте, созданном CCRU, гиперверие определяется через следующие четыре положения:

1. Элемент эффективной культуры, который делает себя реальным.
2. Вымышленный количественный оператор как устройство для путешествий во времени.
3. Усилитель совпадений.
4. Зов Древних.

Сложно не заметить отчетливо лавкрафтианский характер гиперверия, как и его делезо-гваттарианские корни. На первых страницах «Тысячи плато» Делёз и Гваттари пишут:

Нас упрекали за то, что мы будто бы слишком часто обращаемся к литераторам. Но, когда мы пишем, нас интересует лишь одно — знать, к какой другой машине может и должна быть подключена литературная машина, дабы функционировать⁵⁰.

Неразличимость литературы и философии отражает смешение бытия и знания в посткорреляционистской философии, где философия пытается сделать себя реальной, а литература, особенно *weird*-литература, нацеливается на мозговое устройство ужаса.

Тексты Лавкрафта и Лиготти работают с ужасом как эпистемологической пластичностью (слишком много/недостаточно знания), соединенной с близостью (слишком много места у Лавкрафта и недостаточно у Лиготти), а также с глубокой древностью у Лавкрафта и медленно, как ледник, ползущим временем паранойи у Лиготти. В противовес Делёзу и затем Рэю Брассье мы не можем позволить времени сознания, бергсонианскому времени длительности (*duree*), превозмочь природное время. Вместо этого признаем, что это печальный факт существования всякого мыслящего существа. Время ужаса, время сознания, со всеми его выделенными моментами и растянутыми ужасами, не может сравниться с глубокой древностью несуществования в недостижимом прошлом и в неизведанном будущем.

Хрустальные зубцы кантовской концепции опыта как направляющего света для возможностей метафизики должны быть полностью уничтожены. Лоск его опыта в «Пролегоменах ко всякой будущей метафизике» не мог быть более стерильным:

50. Делёз Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 8

Опыт состоит из созерцаний, принадлежащих чувственности, и из суждений, которые представляют собой исключительно дело рассудка. Но таким суждениям, которые рассудок составляет из одних лишь чувственных созерцаний, еще далеко до суждений опыта. В самом деле, в первом случае суждение связывало бы восприятия только так, как они даны в чувственном созерцании. <...> Опыт состоит в синтетической связи явлений (восприятии) в сознании, поскольку эта связь необходимая⁵¹.

Здесь сложно не заметить тот рвотный позыв, который вызывает кантовский легализм у Алена Бадью и Моник Давид-Менар. Кантовская мысль становится, как говорит Фуко в размышлениях над текстом де Сада в отношении природы, «диким избавлением от самой себя»⁵². Для Бадью кантовская философия просто-напросто закрывает для нас слишком много внешнего, замораживая мир мысли в жестких ограничениях формализма. Критическая философия — это просто систематизированный карантин для будущего мышления, для мысли, которая угрожала бы формализму, искусственно наделяющему мысль (и философию) когерентностью перед лицом безумия. Даже становление-безумным Делёза, хоть и избегающее этого гула глубинных оснований, создает для себя новые основания — безумные, но все же мыслимые через аффекты⁵³. Поле эффектов позволяет ему создать свою эстетику и радикальный эмпиризм, в которых эффекты и/или обстоятельства составляют материал мира, который должен мыслиться как хаосмос симулякров.

Учитывая критику эмпиризма эстетики, образа, может быть сложно оправдать атаку на кантовский формализм с помощью безумия литературы, не претендующей на то, чтобы стать реальной, но которую мы можем попытаться сделать реальной (хотя такое умственное усилие, конечно, только переписывает нереальность фантастики). То есть как сущности Лавкрафта и Лиготти и сущности, с которыми работает философия, отличаются от механических формализмов Канта и от имплицитно формализованных образов делезианского эмпиризма? Просто такие тексты не стремятся воплотить себя в реальность и выдвигают претензии, более чуждые нам, нежели близкие, и поэтому их ужас не-

51. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике // Соч. Т. 4. Ч. I. С. 121–122.

52. Foucault M. *Madness and Civilization*. L.: Routledge, 2003. P. 285.

53. Делёз Ж. *Логика смысла* / Пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Академический Проект, 2011. С. 17.

медленно становится более правдоподобным. Это безумие, которое Морис Бланшо описывает в «Бесконечной беседе», прибегая к образам Сервантеса и его рыцаря, — книжное безумие, безумие извращенного слияния литературы и жизни⁵⁴: описание завершается обсуждением одного из мастеров странности — Кафки.

Текст — это узнавание безумия параллельно со становлением его все более безумным. Безумие не может быть заморожено на месте иначе как через твердый осадок экстернализации производства. Поэтому Фуко завершает свою знаменитую работу [о безумии] произведениями искусства. Более того, экстиллигенция (*extelligence*) — способность выносить вовне продукты нашего опороченного мозга, — составляет пару попыткам вынести или открыть возможности интеллигенции (*intelligence*) за пределами наших голов, чтобы философия могла пережить солярную катастрофу⁵⁵. Снова вспоминая Делёза: письмо неотделимо от становления⁵⁶.

Ошибочно верить в то, что безумие поглощается экстиллигенцией, или великими работами, или что оно может быть изгнано с помощью выталкивания мысли во что-то неорганическое или альтернативно-органическое. Способность выйти из собственной головы не гарантирует, что мы больше не можем выжить из ума. Просто потому, что есть внешнее, вещество или сила, энергия или вещь в себе, или шопенгауэровская Воля. В «Музыке Эрика Занна» Лавкрафта «в последние месяцы моей убогой жизни студента-метафизика местного университета»⁵⁷ герой оказывается заинтригован странной музыкой, исполняемой на скрипке его соседом сверху. После встречи с музыкантом студент узнает, что каждую ночь тот играет свою причудливую музыку у окна для того, чтобы не дать какому-то ужасу, некой «страшной непроницаемой тьме»⁵⁸ подобраться ближе. Эстетическая защита, выставляемая хорошо обученным мозгом, может лишь какое-то время сдерживать злые чары материи, призрак неизменности в нем самом, который слишком многие разумы уничтожают, схлопывая все в мысль

54. Бланшо М. Деревянный мост (повторение, безличность) // От Кафки к Кафке / Пер. с фр. Д. Кротовой. М.: Логос, 1998. С. 173–174.

55. Lyotard J.-F. *The Inhuman: Reflections on Time* / G. Bennington, R. Bowlby (trans.). Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 122.

56. Делёз Ж. Критика и клиника / Пер. с фр. О. Е. Волчек, С. Л. Фокина. СПб.: Machina, 2002. С. 7.

57. Лавкрафт Г. Ф. Музыка Эрика Занна // Он же. По ту сторону сна. С. 123.

58. Там же. С. 129–130.

о мысли как мыслимой или, по крайней мере, ноэтически-изменчивой на наших собственных условиях.

Трансцендентальная паранойя — кошмар и обещание, постоянный спутник работ Пола Хамфри, буквально выходящих из ума. Это готический аналог не-концептуального мышления, но мышления, никогда не принадлежащего какой-либо цельной сущности. Батай утверждал:

На грани того, что еще поддается связыванию, тому, кто мыслит последовательно, вдруг открывается, что отныне нет более места для него самого⁵⁹.

Мысль нематериальна лишь в той степени, в какой она нечеловечна, это сила (процесс, укорененный в объекте, который сам есть лишь побочный эффект сил и процессов), которая пытается, всегда безуспешно, удостовериться в своем происхождении.

Философия, если она действительно способна вернуться к великому внешнему, если она сможет покинуть мертвую петлю человеческого черепа, должна осознать не только неприоритетность человеческой мысли, но и то, что мысль никогда не принадлежит мозгу, который ее мыслит; мысль приходит откуда-то еще. Возвращаясь к образу поезда, упомянутому в начале: «Локомотив, мчащийся по поверхности земли, — это образ непрекращающейся метаморфозы»⁶⁰, — это проблема мысли и помысливания мысли, неспособности изолировать мысль с помощью одной лишь сформированной мышлением структуры.

Библиография

- Батай Ж. Теория религии. Литература и Зло. Минск: Современный литератор, 2000.
- Бланшо М. Деревянный мост (повторение, безличность) // Он же. От Кафки к Кафке. М.: Логос, 1998.
- Делёз Ж. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002.
- Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академический Проект, 2011.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Кант И. Опыт о болезнях головы // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 6. С. 225–241.
- Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 4. Ч. I.
- Лавкрафт Г. Ф. Сомнабулический поиск неведомого Кадата // Он же. Иные боги и другие истории. М.: Иностранка; Азбука-Аттикус, 2016. С. 525–658.

59. Батай Ж. Теория религии. С. 11.

60. Bataille G. Visions of Excess. P. 7.

- Лавкрафт Г. Ф. Заметки о написании фантастических историй // Тьма. 2007. № 3. С. 51–53.
- Лавкрафт Г. Ф. Зов Ктулху. М.: АСТ, 2016.
- Лавкрафт Г. Ф. Музыка Эриха Занна // Он же. По ту сторону сна. М.: Гудьял Пресс, 2000. С. 123–130.
- Лавкрафт Г. Ф. По ту сторону сна. М.: Гудьял Пресс, 2000.
- Лавкрафт Г. Ф. Хребты безумия. М.: Иностранка, 2016.
- Лиготти Т. У меня есть особый замысел о мире сем // Industrial Music. 03.09.2008. URL: <http://industrialmusic.ru/2008/09/у-меня-есть-особый-замысел-о-мире-сем>.
- Лиготти Т. Лекции профессора Никто о мистическом ужасе // Он же. Песни мертвого сновидца. Тераграф. М.: АСТ, 2018. С. 271–280.
- Мейясу К. Вычитание и Сокращение. Делез, Имманенция, и Материя и Память. 2012. URL: <http://uhimik.ru/vichitanie-i-sokrashenie-delez/index.pdf>.
- Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель Эго. М.: АСТ, 2017.
- Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997.
- Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: Наука, 1993. Т. 2.
- Ayad N. Literature Is Entertainment or It Is Nothing: An Interview With Thomas Ligotti // Fantastic Metropolis. 2004. URL: <http://fantasticmetropolis.com/i/ligotti>.
- Badiou A. Logics of Worlds: Being and Event, 2. N.Y.: Bloomsbury Publishing, 2018.
- Bataille G. Informe // Documents 1. 1929. № 7. P. 382.
- Bataille G. Formless // Visions of Excess. Selected Writings, 1927–1939. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985.
- Brassier R. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.
- Brassier R. The Expression of Meaning in Deleuze's Ontological Proposition // Pli. 2008. № 19. P. 1–36.
- Cardin M. "...it's all a Matter of Personal Pathology": An Interview With Thomas Ligotti // The Teeming Brain. URL: <http://teemingbrain.com/interview-with-thomas-ligotti>.
- David-Menard M. Kant's "An Essay on the Maladies of the Mind" and "Observations on the Beautiful and the Sublime" // Hypatia. 2000. Vol. 15. № 4. P. 82–98.
- Foucault M. Madness and Civilization. L.: Routledge, 2003.
- Grant I. H. Prospects for Post-Copernican Dogmatism: The Antinomies of Transcendental Naturalism // Collapse. 2009. Vol. V. P. 415–451.
- Gratton P. Vibrant Matters: An Interview With Jane Bennett // Philosophy in a Time of Error. 22.04.2010. URL: <http://philosophyinatimeoferror.com/2010/04/22/vibrant-matters-an-interview-with-jane-bennett>.
- Joshi S. T. H. P. Lovecraft: The Decline of the West. Berkley Heights: Wildside Press, 1990.
- Ligotti T. I Have a Special Plan for This World // Idem. My Work Is Not Yet Done. L.: Virgin Books, 2009.
- Ligotti T. The Conspiracy Against the Human Race: A Contrivance of Horror. N.Y.: Penguin, 2018.
- Ligotti T. The Conspiracy Against the Human Race. N.Y.: Hippocampus Press, 2010.
- Lovecraft H. P. The Materialist Today // Collected Essays. Vol. 5: Philosophy; Autobiography & Miscellany / S.T. Joshi (ed.). N.Y.: Hippocampus Press, 2006.

- Lyotard J.-F. *The Inhuman: Reflections on Time*. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Satanis V. *Devotees of Decay and Desolation*. Thomas Ligotti interview / D. Dishaw (ed.) // *Eldritch Infernal*. 2008. URL: <http://web.archive.org/web/20090524061519/http://eldritch-infernal.com/ligotti.html>.
- Thacker E. *Afterlife*. Chicago: University of Chicago Press, 2010.
- Trafford J. *The Shadow of a Puppet Dance: Metzinger, Ligotti and the Illusion of Selfhood // Collapse*. 2008. Vol. IV. P. 185–207.
- Woodard B. *Mad Speculation and Absolute Inhumanism: Lovecraft, Ligotti, and the Weirding of Philosophy // Continent*. 2010. Vol. 1. № 1. P. 3–13.

MAD SPECULATION AND ABSOLUTE INHUMANISM: LOVECRAFT, LIGOTTI, AND THE WEIRDING OF PHILOSOPHY

BEN WOODARD. Research Associate, Institute of Philosophy and Theory of Art (IPK), ben.woodard@leuphana.de.
Leuphana University of Lüneburg (LUL), 1 Universitätsallee, 21335 Lüneburg, Deutschland.

Keywords: philosophy of horror; weird fiction; Gilles Deleuze; Félix Guattari; Nick Land; Howard Lovecraft; Thomas Ligotti; madness; rationality; absolute; inhumanism; ventriloquist idealism.

How does one redefine the boundary between madness and rationality? This is the question that launches Ben Woodard on a discussion of the methods for accessing the Absolute or what he refers to as the Great Outdoors. Immanuel Kant's theoretical framework with its "legalistic" norms is the first target of his criticism, which argues that Kant's bulwark shielding rationality from madness is untenable. Kant had "circled his wagons" against madness in order to clearly distinguish philosophical speculation from the ravings of a madman, but that defense deprived philosophy of the capacity to describe reality as it is. Speculative realism positions itself as an alternative to Kant that holds out the promise of access to the Great Outdoors; therefore it must somehow distinguish philosophy from madness. Rather than indulging in the "mad speculation" or theoretical permissiveness of some followers of Gilles Deleuze and Félix Guattari in order to leave the narrow limits of reason behind, Woodard applies the thinking of Thomas Ligotti and Howard Lovecraft to make a two-pronged attack on anthropocentrism. Lovecraft represents a "shoggothic materialism" that energizes the horror of formless matter, while Ligotti represents a "ventriloquist idealism" highlighting the inherent horror of having a consciousness.

Weird fiction then is no longer a literary excuse for madness that justifies pursuit of after stunning imagery at the expense of meaning, but is instead an important theoretical tool for grounding the external as such. What is ultimate is not attainable through altered states of consciousness or otherwise distorting language or bodily being. To the contrary, it is reached by rather tedious work with a text which is itself already positioned in the Outdoors with respect to the reader.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-5-203-225

References

- Ayad N. Literature Is Entertainment or It Is Nothing: An Interview with Thomas Ligotti. *Fantastic Metropolis*, 2004. Available at: <http://fantasticmetropolis.com/i/ligotti>.
- Badiou A. *Logics of Worlds: Being and Event*, 2, New York, Bloomsbury Publishing, 2018.
- Bataille G. *Formless. Visions of Excess. Selected Writings, 1927–1939*, Minneapolis, University of Minnesota Press, 1985.
- Bataille G. Informe. *Documents 1*, 1929, no. 7, p. 382.
- Bataille G. *Teoriia religii. Literatura i Zlo* [Théorie de la religion. La Littérature et le Mal], Minsk, Sovremennyi literator, 2000.
- Blanchot M. Dereviannyi most (povtorenie, bezlichnost') [Le pont de bois (le répétition, le neutre)]. *Ot Kafki k Kafke* [De Kafka à Kafka], Moscow, Logos, 1998.

- Brassier R. *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction*, Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2007.
- Brassier R. The Expression of Meaning in Deleuze's Ontological Proposition. *Pli*, 2008, no. 19, pp. 1–36.
- Cardin M. "...it's all a Matter of Personal Pathology": An Interview with Thomas Ligotti. *The Teeming Brain*. Available at: <http://teemingbrain.com/interview-with-thomas-ligotti>.
- David-Menard M. Kant's "An Essay on the Maladies of the Mind" and "Observations on the Beautiful and the Sublime". *Hypatia*, 2000, vol. 15, no. 4, pp. 82–98.
- Deleuze G. *Kritika i klinika* [Critique et clinique], Saint Petersburg, Machina, 2002.
- Deleuze G. *Logika smysla* [Logique du sens], Moscow, Akademicheskii proekt, 2011.
- Deleuze G., Guattari F. *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniia* [Mille plateaux: Capitalisme et schizophrénie], Yekaterinburg, Moscow, U-Faktoriia, Astrel', 2010.
- Foucault M. *Istoriia bezumia v klassicheskuiu epokhu* [Folie et déraison: histoire de la folie à l'âge classique], Saint Petersburg, Universitetskaia kniga, 1997.
- Foucault M. *Madness and Civilization*, London, Routledge, 2003.
- Grant I. H. Prospects for Post-Copernican Dogmatism: The Antinomies of Transcendental Naturalism. *Collapse*, 2009, vol. V, pp. 415–451.
- Gratton P. Vibrant Matters: An Interview With Jane Bennett. *Philosophy in a Time of Error*, April 22, 2010. Available at: <http://philosophyinatimeoferror.com/2010/04/22/vibrant-matters-an-interview-with-jane-bennett>.
- Joshi S. T. H. P. *Lovecraft: The Decline of the West*, Berkley Heights, Wildside Press, 1990.
- Kant I. Opyt o bolezniah golovy [Versuch über die Krankheiten des Kopfes]. *Soch.: V 6 t.* [Works: In 6 vols], Moscow, Mysl', 1964, vol. 6, pp. 225–241.
- Kant I. Prolegomeny ko vsiakoi budushchei metafizike [Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik]. *Soch.: V 6 t.* [Works: In 6 vols], Moscow, Mysl', 1964, vol. 4, pt. I.
- Ligotti T. I Have a Special Plan for This World. *My Work Is Not Yet Done*, London, Virgin Books, 2009.
- Ligotti T. Lektsii professora Nikto o misticheskom uzhashe [Professor Nobody's Little Lectures on Supernatural Horror]. *Pesni mertvogo snovidtsa. Teratograf* [Songs of a Dead Dreamer. Grimscibe], Moscow, AST, 2018, pp. 271–280.
- Ligotti T. *The Conspiracy Against the Human Race*, New York, Hippocampus Press, 2010.
- Ligotti T. *The Conspiracy Against the Human Race: A Contrivance of Horror*, New York, Penguin, 2018.
- Ligotti T. U menia est' osobyi zamysel o mire sem [I Have a Special Plan for This World]. *Industrial Music*, September 3, 2008. Available at: <http://industrial-music.ru/2008/09/у-меня-есть-особый-замысел-о-мире-сем>.
- Lovecraft H. P. *Khrebtly bezumiia* [At the Mountains of Madness], Moscow, Inostranka, 2016.
- Lovecraft H. P. Muzyka Erikha Zanna [The Music of Erich Zann]. *Po tu storonu sna* [Beyond the Wall of Sleep], Moscow, Gud'ial Press, 2000, pp. 123–130.
- Lovecraft H. P. *Po tu storonu sna* [Beyond the Wall of Sleep], Moscow, Gud'ial Press, 2000.
- Lovecraft H. P. Somnabulicheskie poisk nevedomogo Kadata [The Dream-Quest of Unknown Kadath]. *Inye bogi i drugie istorii* [The Other Gods and Other Stories], Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus, 2016, pp. 525–658.

- Lovecraft H. P. The Materialist Today. *Collected Essays, vol. 5: Philosophy; Autobiography & Miscellany* (ed. S.T. Joshi), New York, Hippocampus Press, 2006.
- Lovecraft H. P. Zametki o napisanii fantasticheskikh istorii [Notes on Writing Weird Fiction]. *T'ma* [Darkness], 2007, no. 3, pp. 51–53.
- Lovecraft H. P. *Zov Ktul'khu* [The Call of Cthulhu], Moscow, AST, 2016.
- Lyotard J.-F. *The Inhuman: Reflections on Time*, Stanford, Stanford University Press, 1991.
- Meillassoux Q. Vychitanie i Sokrashchenie. Delez, Immanentsiia, i Materiia i Pamiat' [Subtraction and Contraction. Deleuze, Immanence, and Matter and Memory]. 2012. Available at: <http://uhimik.ru/vichitanie-i-sokrashenie-delez/index.pdf>.
- Metzinger T. *Nauka o mozge i mif o svoem Ia. Tonnel' Ego* [The Ego Tunnel: The Science of the Mind and the Myth of the Self], Moscow, AST, 2017.
- Satanis V. Devotees of Decay and Desolation. Thomas Ligotti interview (ed. D. Dishaw). *Eldritch Infernal*, 2008. Available at: <http://web.archive.org/web/20090524061519/http://eldritch-infernal.com/ligotti.html>.
- Schopenhauer A. *Mir kak volia i predstavlenie* [Die Welt als Wille und Vorstellung], Moscow, Nauka, 1993, vol. 2.
- Thacker E. *Afterlife*, Chicago, University of Chicago Press, 2010.
- Trafford J. The Shadow of a Puppet Dance: Metzinger, Ligotti and the Illusion of Selfhood. *Collapse*, 2008, vol. IV, pp. 185–207.
- Woodard B. Mad Speculation and Absolute Inhumanism: Lovecraft, Ligotti, and the Weirding of Philosophy. *Continent*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 3–13.